

УДК 81'37

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Бредихин С.Н.

*ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, e-mail: bredichinsergey@yandex.ru*

Данная статья посвящена проблеме легитимации индивидуального языка в рамках философского дискурса. В порождении нового неязыкового смысла философ необходимо наталкивается на проблему вербализации своего мышления. Обсуждение правилсообразной деятельности и способов нарушения правил проясняют сами понятия «правило», «интерпретация». Для рассмотрения индивидуальных языков в связи с возможностями следования правилу необходимо пользоваться истинностными критериями, которые связаны с когнитивно-валерной системой определенной лингвокультуры. Достоверность и верификация в языке имеют характерные категориальные основания, отличные от оснований знания как такового, если последнее основывается на формально-логическом оформлении, то первое – на вертикальном контексте лингвокультурной апробации, общей значимости, имманентно заданной доопытным путем. Истинной или ложной позицией суждения можно назвать то, к чему в нашем языке применимо исчисление функций истинности, однако нет необходимых и достаточных условий истинности в применимости языкового выражения.

Ключевые слова: индивидуальный язык, правилсообразная деятельность, интерпретативная деятельность, ноэма, когнитивно-валерная система

THE PROBLEM OF INDIVIDUAL LANGUAGE INVENTION IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Bredikhin S.N.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

The following article is devoted to the legitimation problem of the individual language within the frames of philosophic discourse. By the derivation of new non usual sense every philosopher faces the problem of thought verbalization. The analysis of rule-amenably activity and ways of rule violation clarifies the notions of «rule» and «interpretation». It's necessary to use the categories of truth/false associated with cognitive-value system of certain linguoculture for the issue consideration. Linguistic signification and verification have certain categorical arguments, which differs from arguments of gnosis pure and simple, they have qua basis the vertical context of linguocultural approval of general value intended by pre-experimental way, as the last ones are based on the formal proof. The proposition can be defined as truth/false if there are some criteria of truth function valuation presented in natural language, but there is no one necessary and sufficient criterion of truth in the verbal expression applicability.

Keywords: individual language, rule-amenably activity, interpretative activity, noem, cognitive-value system.

Философия представляет собой особый вид метанаучного дискурса, вербализующего рефлексивную над онтологическим, и собственно вербализацию суждений об этом онтологическом, она представляет собой трансцендирующее мышление, при подобном подходе к феномену философствования необходимо предполагается трансцендирующая вербализация, фиксирующая определенные отрезки объективной реальности, области рефлексии, но и распределенная смыслом, освобождающая бытие от пространства текстовой реальности, деформирующая дискурс. В смыслоформировании специфика этого текста кроется в отсутствии у его продуцент/реципиента, установки на одномерность смысла, при этом возникает вопрос о наличии в естественном языке средств для вербализации такой деятельности, необходимости создания мета-языка, понятного лишь одному продуценту как отражение его собственной рефлексивной реальности.

В процессе обсуждения правилсообразной деятельности Л. Витгенштейн

в §§ 139-242 «Философских исследований» постулирует невозможность функционирования и наличия принципиально неусвояемого «логически индивидуального языка». Наличие индивидуального языка, вербализующего собственные ментальные конструкты, лишает возможности коммуникантов адекватно определить статус ментальных сущностей, безусловных бытиями объективной реальности.

Критика Витгенштейна направлена на развенчание теории значения как определенного предмета или абстрактной сущности, которая есть не семантическая теория, а некая философская парадигма: «Витгенштейн целится в философский миф, а не в невинное повседневное представление о языке как деятельности, управляемой правилами» [1].

Если же мы примем позицию индивидуально возможного языка, критикуемую Витгенштейном, и соответствующую теорию значения как философскую парадигму, мы необходимо должны будем основываться на следующих допущениях:

1) есть языковой знак с соответствующей ему внеязыковой сущностью;

2) и эта сущность является неким ментальным конструктом.

Для Витгенштейна язык не является простым набором правил значения выражения, но в то же время он есть деятельность по правилам, изначально не систематизируемым в простую систему исчисления. В «Философских исследованиях» говорится о невозможности правилосообразной деятельности без осознания правила как такового, в дополнение к осознанной правилосообразной деятельности, и на основе этих двух критериев построения исчерпывающей системы исчисления правил конкретного языка. Это раскрывается в работе Витгенштейна в нескольких тезисах:

1) невозможна система языковых правил без противоречий и двусмысленностей и полностью перекрывающая все возможности речевой практики;

2) невозможно существование правил такого рода, которое бы определяло достоверность или недостоверность использования высказывания вне зависимости от применительной практики.

Данные постулаты изложены в § 143 «Философских исследований»:

«...Die erste dieser Reihen soll die sein der natürlichen Zahlen im Dezimalsystem. – Wie lernt er dieses System verstehen? – Zunächst werden ihm Zahlenreihen vorgeschrieben und er wird angehalten, sie nachzuschreiben. Und schon hier gibt es eine normale und eine abnormale Reaktion des Lernenden. – Wir führen ihm etwa zuerst beim Nachschreiben der Reihe 0 bis 9 die Hand; dann aber wird die **Möglichkeit der Verständigung** daran hängen, daß er nun selbständig weiterschreibt. – Und hier können wir uns, z.B., denken, daß er nun zwar selbständig Ziffern kopiert, aber nicht nach der Reihe, sondern regellos einmal die, einmal die. Und dann hört da die Verständigung auf. – Oder aber er macht ›Fehler‹ in der Reihenfolge. – Der Unterschied zwischen diesem und dem ersten Fall ist natürlich einer der Häufigkeit. – Oder: er macht einen systematischen Fehler <...> Hier werden wir beinahe versucht sein zu sagen, er habe uns falsch verstanden.

... Es gibt keine scharfe Grenze zwischen einem regellosen und einem systematischen Fehler.

Man kann ihm nun vielleicht den systematischen Fehler abgewöhnen (wie eine Unart). Oder, man läßt seine Art des Kopierens gelten und trachtet, ihm die normale Art als eine Abart, Variation, der seinigen beizubringen. – Und auch hier kann die Lernfähigkeit unseres Schülers abbrechen» [6, 143].

В этом примере важно различие нерегулярной и систематической ошибки, присутствует ли критерий осознанности употребления правила после определенного количества верных словоупотреблений (понят ли тогда смысл, усвоено ли устоявшееся значение), достиг ли понимающий того же уровня владения семантикой этого правила, как и мы, следует ли он путем продуцента правила или же творит собственное намеренно.

«Wenn ich nun frage: «Hat er das System verstanden, wenn er die Reihe hundert Stellen weit fortsetzt?» Oder – wenn ich in unserm primitiven Sprachspiel nicht von ›verstehen‹ reden soll: Hat er das System inne, wenn er die Reihe bis dorthin richtig fortsetzt? – Da wirst du vielleicht sagen: Das System innehaben (oder auch: verstehen) kann nicht darin bestehen, daß man die Reihe bis zu dieser, oder bis zu jener Zahl fortsetzt; das ist nur die Anwendung des Verstehens. Das Verstehen selbst ist ein Zustand, woraus die richtige Verwendung entspringt.

Und an was denkt man da eigentlich? Denkt man nicht an das Ableiten einer Reihe aus ihrem algebraischen Ausdruck? Oder doch an etwas Analoges? – Aber da waren wir ja schon einmal. Wir können uns ja eben mehr als eine Anwendung eines algebraischen Ausdrucks denken; und jede Anwendungsart kann zwar wieder algebraisch niedergelegt werden, aber dies führt uns selbstverständlich nicht weiter. – Die Anwendung bleibt ein Kriterium des Verständnisses» [6, 146].

Правильное применение того или иного понятия отнюдь не означает того, что правило было осознано и понят принцип его применения. Знание и понимание по Витгенштейну необязательно состояние сознания (Zustand der Seele): «Worin aber besteht dies Wissen? Laß mich fragen: Wann weißt du diese Anwendung? Immer? Tag und Nacht? Oder nur während du gerade an das Gesetz der Reihe denkst? D.h.: Weißt du sie, wie du auch das ABC und das Einmaleins weißt; oder nennst du ›Wissen‹ einen Bewußtheitszustand oder Vorgang – etwa ein An-etwas-denken, oder dergleichen?» [6, 148].

Но в данной ситуации применения возникает вопрос о осознании, действительно ли понятие о правиле и достоверности его применения присутствует имманентно, в рефлексивной реальности, или же осознание возникает только в ситуации помывания этого правила, его применимости. При наблюдении за продуцентом и речевыми практиками членов лингвокультурного сообщества у некоего гипотетического индивида возникает мысль о том, что он теперь понял суть и может далее продол-

жать применять языковые единицы согласно тому, что он наблюдал. Является ли данный факт действительно пониманием и как мы можем это утверждать, анализируя эти процессы, *wir versuchen nun, den seelischen Vorgang des Verstehens, der sich, scheint es, hinter jenen gröbem und uns daher in die Augen fallenden Begleiterscheinungen versteckt, zu erfassen* [6, 153] – мы пытаемся проникнуть в умственный процесс понимания, который как бы скрыт за этими более грубыми и потому легко бросающимися в глаза его сопровождениями.

Как говорит Витгенштейн, понимание как некоего ментального процесса вообще не стоит рассматривать, мы попадаем под программное воздействие языкового выражения, сбивающего нас с толку. *«Denk doch einmal gar nicht an das Verstehen als »seelischen Vorgang«! – Denn das ist die Redeweise, die dich verwirrt»* [6, 154]. Сторонний наблюдатель может распознать в деятельности индивида, который якобы осознал технику следования общему правилу, только внешние обстоятельства этого процесса осознания, но никак не само понимание или эмоциональное переживание данного процесса, сопутствующего этому моменту понимания – *«was ihn für uns berechtigt, in so einem Fall zu sagen, er verstehe, er wisse weiter, sind die Umstände, unter denen er ein solches Erlebnis hatte»* [6, 155]. О достоверности и истинности (или ложности) употребления языкового выражения можно судить лишь по дальнейшему разворачиванию ситуации семиозиса и прагматическим характеристикам коммуникативного акта, неправомерными будут как интерпретация маркированности ситуации осознания, как некоего ментального состояния, так и предположение о правильности или неправильности применения вне контекста речеупотребления.

Правило естественного языка всегда имманентно содержит возможность практически неисчислимого множества своего применения в практике речетворчества, а потому вопрос о достоверном ему следовании определяется простым сравнением фактических употреблений языковых средств в различных ситуациях с некими образцами уже известной практики употребления (которые также содержатся в правиле), если же мы не приемлем такой подход, то закономерно предположить, что каждой правилоприменительной практике присущ свой алгоритм, измышляемый каждый раз заново – *«Richtiger, als zu sagen, es sei an jedem Punkt eine Intuition nötig, wäre beinah, zu sagen; es sei an jedem Punkt eine neue Entscheidung nötig»* [6, 186]. Но

правильность того или иного алгоритма в применении правила мы не можем постулировать, поскольку нет никаких действительных фактов его верификации, кроме применения. Акты подразумевания и предпосылки отнюдь не предполагают моделирование схем действований в необозримом будущем, данные акты не всегда равны или даже коррелируют с действительным осознанием.

Вертикальный контекст лингвокультурологической практики употребления языка (понятого всем членам сообщества) с введением индивидуального смысла наличных вербализованных понятий – вот тот способ, которым идет философия. У Витгенштейна применяется аналогия применения общих правил употребления с математическими функциями [6, 189–190]. Представление о следовании определенным правилам в речеупотреблении как о некоем механизме, действия которого ему присущи как данности, о «машине, заключающей в себе свой образ действия» формируется при философствовании – *«Die Maschine als Symbol ihrer Wirkungsweise»* [6, 193]. *«Wann denkt man denn: die Maschine habe ihre möglichen Bewegungen schon in irgendeiner mysteriösen Weise in sich? – Nun, wenn man philosophiert»* [6, 194]. Возможность применения в данном случае есть некое отражение действительной практики применения, и часто эти возможности находятся в тесной связи с реальностью. *«Die unverständene Verwendung des Wortes wird als Ausdruck eines seltsamen Vorgangs gedeutet. (Wie man sich die Zeit als seltsames Medium, die Seele als seltsames Wesen denkt»* [6, 196]. Однако непонятное словоупотребление не всегда есть неправильное, противоречащее нормам языка – не всегда внеязыковое; только приняв данное за аксиому, мы поймем возможность индивидуального смысла в рамках неиндивидуального языка.

«Es kann nicht ein einziges Mal nur ein Mensch einer Regel gefolgt sein... Einen Satz verstehen, heißt, eine Sprache verstehen. Eine Sprache verstehen, heißt, eine Technik beherrschen» [6, 199]. Невозможно употребление индивидуального языка, так же, как невозможно индивидуальное следование правилу, в этом случае неясно, нет никакого критерия различения, когда это действительно следование, а когда лишь иллюзия следования, возникающая у конкретного субъекта.

Витгенштейн определяет именно предпозицию невозможности индивидуального языка следующим образом: *«Unser Paradox war dies: eine Regel könnte keine Handlungsweise bestimmen,*

da jede Handlungsweise mit der Regel in Übereinstimmung zu bringen sei. Die Antwort war: Ist jede mit der Regel in Übereinstimmung zu bringen, dann auch zum Widerspruch. Daher gäbe es hier weder Übereinstimmung noch Widerspruch» [6, 201]. Нет ни соответствий, ни противоречий, ведь каждый образ действия можно привести в соответствие с правилосообразностью или же постулировать его противоречие правилам.

В данном контексте определяются свидетельства того, что в философском языке возможно понимание правилосообразности не как интерпретации, а как «действия вопреки», с порождением нового неузуально-индивидуального смысла, который все же предназначен для восприятия и понимания реципиентом именно как маркера ядерного места, релевантного для декодирования в реальном применении. По ходу разрывания смысла высказывания на первый план выходят различные интерпретации, любая из которых удовлетворяет реципиента лишь на момент её восприятия, до смены её последующей. Невозможность у Крипке проявляется в заключении решения Витгенштейновского скептического парадокса.

Значение философского декларативного высказывания в поздних работах Витгенштейна ставится вопрос не о возможных условиях истинности/ложности суждения, а о соответствии тем или иным условиям порождения высказывания, как определенное языковое выражение, может утверждаться или же отрицаться и, каковы практикоприменительные возможности вербализации в жизни при конкретных условиях. Невозможно применять термины истинности или ложности касательно условий утверждения, скорее о верифицируемости или её отсутствии той формы высказывания, которая была применена в той или иной языковой игре. Ведь высказывания любого метаязыка, фиксирующего рефлексию относительно других высказываний, являются полностью лишены смысла в том случае, если предположить тот факт, что каждое из декларативных предложений должно обязательно соответствовать фактам не рефлексивной, а объективной реальности. «...Для легитимации утверждений о том, что некто имеет в виду нечто необходимо наличие приблизительно специфицируемых обстоятельств, при которых эти утверждения легитимно утверждаемы, и то обстоятельство, что игра в высказывание таких утверждений при этих условиях имеет место в нашей жизни (жизни языкового сообщества)» [1, 211].

Одним из контрапунктов «Философских исследований» является тезис о невозмож-

ности представлений о том, что единственной возможностью для идентификации фактов вербализованных кроется в анализе самих языковых выражений, и в анализе условий их истинности. Вот как говорит об этом сам Витгенштейн: «*Wie ist es nun mit der Sprache, die meine Innern Erlebnisse beschreibt und die nur ich selbst verstehen kann? Wie bezeichne ich meine Empfindungen mit Worten? – So wie wir's gewöhnlich tun? Sind also meine Empfindungsworte mit meinen natürlichen Empfindungsäußerungen verknüpft? – In diesem Falle ist meine Sprache nicht »privat«*» [6, 256].

Условия утверждаемости не могут быть противопоставлены условиям истинности, обоснование одних, по сути, является обоснованием других, при этом важным и определяющим служит анализ условий употребления языкового знака.

При прояснении возможности индивидуального смысла в условиях невозможности индивидуального языка философского дискурса необходимо различение определенного типа высказываний:

1) критериям истинности и ложности могут соответствовать только языковые выражения особого рода, служащие утверждению или отрицанию определенного факта объективной реальности и не являющиеся вопросительными или модальными суждениями, контрфактуалами и т.п.;

2) только подобные высказывания могут служить в качестве элементов истинностно-функциональных суждений, значение которых не поддается объяснению с позиций условий утверждаемости.

Истинной или ложной пропозицией суждения можно назвать то, к чему применимо исчисление функций истинности, но нет необходимых и достаточных условий истинности в применимости языкового выражения.

На этом новом витке герменевтического круга прояснения философского языка возможно вернуться к сделанным ранее допущениям:

1) есть языковой знак с соответствующей ему внеязыковой сущностью;

2) и эта сущность является неким ментальным конструктором.

Объяснения дефляционной теории истинности применимы к допущению 1 и при этом не затрагивают 2. А потому инфляционная теория смысла, его перманентного разрастания в условиях опоры на иерархическую ноэматику создает необходимый для отрицания обоих допущений базис.

Теории истины, связанные с когнитивно-валерной системой определенной лингвокультуры, отвечают требованиям

идентификации фактов, вербализованных в философском тексте, посредством анализа их как узуального, так и окказионального использования. Весь сонм высказываний подобного рода, конституирующий критерии истинности/ложности (возможности/невозможности) для определенного языка (той или иной лингвокультуры) является областью пересечения концептуально-валерных систем каждого из членов лингвокультурного сообщества и описывается как интенциональная функция.

Список литературы

1. Лебедев М.В. Проблема следования правилу в философии математики Л. Витгенштейна. / в сб. *Стили в математике: социокультурная философия математики* / под. ред. А. Г. Барабашева. – СПб.: РХГИ, 1999. – 552с.
2. Neshet D. Wittgenstein, meaning and use. *International philosophic quarterly*. – Bronx NY, 1992. – Vol. 32, № 1. – P. 55–78.
3. Pears D.F. The Origin and Development of Wittgenstein's Treatment of Rule-Following. *The Tasks of Contemporary Philosophy. Proceedings of the 10th Wittgenstein Symposium*. – Vienna, 1986. – Part 1. – P. 420.
4. Russel B. «On Denoting» in *The Philosophy of Language* (3 edition), (ed.) Martinich A.P. *The philosophy of language*. 3d edition. – Oxford University Press, 1996. – P. 640.
5. Tait W.W. Wittgenstein and the «Sceptical Paradoxes» // *The Journal of Philosophy*. – 1986. – Vol. 83. – № 9. – P. 475–488.

6. Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. – Oxford, 1953. – X, 232 p.

References

1. Lebedev M.V. Problema sledovanija pravilu v filosofii matematiki L. Vitgenshtejna. / v sb. *Stili v matematike: sociokul'turnaja filosofija matematiki* / pod. red. A.G. Barabashева. SPb.: RHGI, 1999. 552 p.
2. Neshet D. Wittgenstein, meaning and use. *International philosophic quarterly*. Bronx NY. 1992, Vol. 32, no. 1. pp. 55–78.
3. Pears D.F. The Origin and Development of Wittgenstein's Treatment of Rule-Following. *The Tasks of Contemporary Philosophy. Proceedings of the 10th Wittgenstein Symposium*. Vienna, 1986. Part 1. pp. 420.
4. Russel B. «On Denoting» in *The Philosophy of Language* (3 edition), (ed.) Martinich A. P. *The philosophy of language*. 3d edition. Oxford University Press, 1996. pp. 640.
5. Tait W.W. Wittgenstein and the «Sceptical Paradoxes». *The Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 83. no. 9. pp. 475–488.
6. Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford, 1953. X, 232 p.

Рецензенты:

Манаенко Г.Н., д.ф.н., профессор кафедры связей с общественностью, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Чанкаева Т.А., д.ф.н., профессор кафедры связей с общественностью, ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.

Работа поступила в редакцию 06.03.2014.